

ХЛЕБНАЯ КАРТОЧКА

Рассказ

Лежу и думаю. О чем? О хлебе.

О корочке, обсыпанной мукой.

Вся комната полна им. Даже мебель

Он вытеснил. Он близкий и такой

Далекий, точно край обетованный.

И самый лучший — это пеклеванный.

Вера Инбер

Передо мной маленький, почти истлевший от времени кусочек коричневой бумаги.... На месте фамилии, имени и отчества - неразборчивая надпись химическим карандашом, а ниже – маленький квадратик: «30.XI.50гр»... Хлебная карточка... Последний день ноября 41-го.... На 50гр...

Когда началась война, мне было 10 лет. Я не могу сказать, что я ничего не понимала. Скорее, это было похоже на страх, который сковывал всё в груди. Это был неизвестный страх: страх не за себя, а за Людку, за мать с отцом, за бабушку. Людка тогда была совсем маленькой, трёхлетней.

Мы жили в Ленинграде, жили неплохо: мать работала портнихой, а отец, как и многие, работал на заводе. Я училась в третьем классе, а Людку водили в садик на углу Серпуховской.

В сентябре 1941-го город начали бомбить. Плакать мне было стыдно и страшно. Голод настиг Ленинград очень быстро. В городе постепенно исчезли все кошки и собаки... Да и людей в холода можно было увидеть только в очередях за хлебом да за водой.

Летом было проще: была трава, но почек на деревьях не было, их съедали голодные беспризорные ребяташки, поэтому нижние ветки деревьев долго стояли голыми, наконец покрываясь жидкими,

неровными листиками.... Помню суп, похожий на прозрачный серый кисель.... Помню кучу ребятишек в оборванной одежде: кто-то из них становился вором-одиночкой, а некоторые сбивались в банды и ходили в поисках ночлега и хоть какой-то еды.

Дистрофия забрала мою бабушку, её не стало практически сразу после начала блокады. Отец ушёл воевать еще летом 41-го, а мать с утра до ночи теперь работала на заводе, ей давали карточки: на хлеб, на сахар, иногда на муку или крупу. Почти всё съестное она отдавала нам с сестрой. Как и все взрослые, она выглядела старше своих лет: седые волосы, как и у многих молодых еще женщин, тогда не были чем-то удивительным, впавшие щёки, провалившиеся глаза....

Помню, как-то раз она принесла несколько карамелек. Это были самые вкусные конфеты в моей жизни! Сама мама практически ничего не ела, была очень уставшая. Каждую ночь я плакала - боялась, что она умрёт. Мама обнимала нас с Людкой, говорила, что отец вернётся, и мы будем жить как раньше. Становилось немного теплее, и я успокаивалась.

Однажды мамы долго не было, я взяла бидончик и пошла за водой. Людка спала, обычно я не хотела оставлять её одну, но смеркалось, и мама должна была прийти со смены, нужно было хотя бы сварить кипятка. Вдруг я увидела на снегу хлебную карточку. Я посмотрела по сторонам, поблизости никого не было. Сначала я не решалась её взять - мне было стыдно. Но голод победил. Я схватила карточку и спрятала ее за пазуху, а потом расплакалась и от жалости к тому, кто её потерял, и от жалости к себе. Я шла домой и думала о том, как я плохо поступила, но желание хоть как-то помочь маме и сестрёнке перевесило стыд.

Домом, куда я возвращалась, было не что иное, как угол обвалившегося здания школы, с уцелевшей большой круглой печью.

Топили эту печь поочередно с соседями чем могли, кутались в оставшуюся одежду и сохраняли тепло, прижавшись друг к другу.

Придя домой, я подошла к кровати сестры, она лежала лицом к стене, я решила её не будить. Я ждала маму, чтобы рассказать ей о своей находке. Когда стемнело окончательно, сестра всё ещё не проснулась. Страх опять начал сковывать меня изнутри, я хотела разбудить её, но тело ее было холодным. Я вскрикнула от неожиданности и зарыдала. Слёзы катились огромными солёными каплями, а я трясла её, слушала её дыхание, как будто это могло ее оживить, прижимала её к себе и опять трясла. Выбившись из сил, я села на холодный пол с мыслью о том, что это я виновата. Пока я ходила за водой и стояла над найденной карточкой, она умирала от голодной смерти. Я не знала, что скажу матери, слёзы душили меня. Когда-то я прочитала, если девушки выплакивали все слёзы, то не могли больше плакать. Я не понимала, когда закончатся мои слёзы. Я уснула прямо на полу.

Не знаю, сколько времени прошло, но проснулась я на кровати, мама лежала рядом и смотрела в потолок, последняя прядь её русых волос стала седой. Ком опять подкатил к горлу, но слёз больше не было. Мама прижала меня к себе, и стало тепло. Я ничего не сказала ей тогда про карточку....

Не знаю, где похоронена моя сестра, я не решилась тогда начать этот тяжёлый разговор, а мама не сказала. Думаю, в одной из братских могил на Пискарёвском....

Через несколько дней после смерти сестры мама принесла мне несколько книжек в красных обложках. До сих пор удивляюсь, где и как она находила все эти маленькие радости? Это были сборники рассказов для детей. Именно благодаря этим книжкам мне становилось легче, я погружалась в этот волшебный мир, читала и перечитывала эти драгоценные книжицы бесконечное количество раз.

Я лежала на кровати, чтобы не тратить тающие от голода силы, и воображала себя то Женей из «Тимура и его команды» Гайдара, то героем рассказа Катаева «Сюрприз». В полусне я представляла, что когда-нибудь «обнаружу» утром в своей кровати «шоколадную бомбу» и навсегда забуду вой блокадной сирены перед бомбёжкой.... Ну или хотя бы маленькую хлебную корочку....

Однажды мама принесла после работы кусочек мяса и две картофелины, и мы сварили суп, настоящий горячий суп. В тот вечер мне было так хорошо, тепло и сытно, и плакать не хотелось. Я пересказывала маме книжки, а она слушала меня и штопала валенок. Иногда мы получали письма от отца с коротким посланием: "Я жив, всё хорошо, как вы там? Люблю всем сердцем". Становилось легче, появлялась надежда на скорый конец войны. Потом несколько месяцев от отца не было писем, мама коротко всхлипывала по ночам, а спустя некоторое время, сообщила: отец пропал без вести...

А потом блокада кончилась.... Мама совсем немного не дожидая до полного освобождения Ленинграда. Смерть настигла ее, когда нас вывозили из города, чтобы отправить на лечение. Тяжелая работа и голод сделали своё чёрное дело – отняли все жизненные силы. Прямо на станции, где мы должны были пересесть на поезд, она потеряла сознание и больше не открыла глаза. Похоронили её недалеко от дороги, в воронке от прилетевшего туда когда-то снаряда. Так я осталась одна.

Что было потом, я помню смутно: нас, меня и еще несколько ребятшек, отправили в детский дом в Ярославскую область, в село со странным названием Ракоболь. Прожила я там недолго, ребята приняли меня плохо, разговаривать мне было не с кем, я очень тосковала по маме. Кормили нас хорошо, но ребята постарше и посильнее зачастую отнимали еду у девочек. Меня это обижало, я не

понимала, почему нужно у кого-то отнимать, ведь еда есть. И опять этот ком в горле...

Когда мне исполнилось 18, я уже умела шить, начала работать и могла сама себя обеспечивать. Я уехала в Самарскую область, в Кошкинский район. Именно там жила мама до замужества. Я прожила всю жизнь одна, страх кого-то еще потерять остался со мной навсегда. Я научилась не плакать, но иногда вижу один и тот же сон: я поднимаю потерянную кем-то хлебную карточку, которая так и не спасла ни сестру, ни маму. Я просыпаюсь от того, что по лицу катятся горячие солёные капли.